

* * *

Мы не будем это всё комментировать,
Очумевшая храпит слобода.
Нам пора уж это всё конвертировать
В деревянные рубли навсегда.

Углубляются познания адские,
Берлиозов надрывается альт.
Из кареты возбуждённые Чацкие
Высыпают на бесцветный асфальт.

По лавчонкам рассыпаются, нервные,
И не могут ничего в них найти.
Мы, конечно же, не выскочим в первые,
Но просыплется на нас конфетти.

Пополнением для рая не станем мы,
А убогий подаяния ждёт.
Он не знает о Гарольде в Италии,
Только горечь от ума горло жжёт.

* * *

Прозвени, – это так обаятельно, –
Проржавевшим ключом.
За порогом твоим обыватели
Говорят ни о чём.

Вроде, думаешь, март, и – пожалуйста, –
Всё снега да снега.
Вроде, думаешь, фарт, но без жалости
Не возлюбишь врага.

А небесные плиты расколоты
Посреди облаков.
Куполов пригорюнилось золото
И стекает с боков.

Изучи до конца географию,
Чтоб остаться потом
На семейной большой фотографии
Просто белым пятном.

* * *

В детстве прочитав «Анну Каренину»
Я только Каренина и жалел.
Потом годами настраивал зрение,
Но в этом не преуспел.

В Петербурге есть станция «Автово»,
Не имеющая отношения ни к какому авто.
Жизнь – это литература без автора,
А мы всё думаем, автор кто?

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Ещё не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут – молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Всё вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
Но тело есть, глаза и рот.
И обо мне не повествует
В былинах проклятый народ.

Я был всего лишь полустанком,
Но как-то осенью не встал,
состав не принял, полный танков,
И называться перестал.

Но полустанкам в человечки
Преобразиться суждено,
Цедить нелепые словечки,
Смотреть нелепое кино,

И, не оглядываясь, мчатся
Там, где сбежали от забот
Земли печальной домочадцы,
Кому даны глаза и рот.

Меня давно не существует,
Как из полка пришлось убыть.
Но тетерев опять токует,
чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдешь направо – пьяный хор,
Налево – выстрел в лоб.
И Пушкин, осознав позор,
Крушит под Псковом гроб.

В музее пылью с эполет
В окно летит беда.
В глазах дорога и скелет
Остались навсегда.

Гомер стенает, одиноко,
Прозрев на краткий миг.
Он шёл направо, сколько мог,
А вышел напрямик.

Чужое горе не копи,
Для этого ты мал.
Учёный кот сбежал с цепи
И воет как шакал.

* * *

Пока ты смотришь свысока,
Слова твои ценны,

А мне цена невысока,
Иль вовсе нет цены.

Не кисть взмахнула за рекой,
То расставанья знак.
Уходит дембель на покой
В чужой ареопаг.

И веселится тот школяр
Что через много лет,
В библиотечный формуляр
Проскочит как поэт.

Следы неровные в золе,
И за плечами скарб.
Но ты не выйдешь к той земле,
Что напрочь сдуло с карт.

* * *

Зимой пиши про снег, не бойся быть простым,
Трагедия твоя другим непостижима.
Зимой подольше стой на склоне том крутом,
Где жажда улететь почти неодолима.

Дымок от крыш больших, дымок от малых крыш,
Не знает, где тепло, наохливший голубь.
И если ты поймёшь, что больше не взлетишь,
Глазами просверли в реке большую прорубь.

* * *

Я буду счастлив, может статься, —
напомни мне.
Мне надо с городом остаться
Наедине.

Неважно, что это за город,
Мне нужен смех
У баров, нужен снег за ворот
И жизнь при всех.

И в том, что счастлив я не буду,
Есть благодать.
Христос несёт в себе Иуду,
Успей предать,

Предать беспечно, бескорыстно,
Слотнуть позор,
И утром выплеснуть корыто
В соседний двор.

* * *

Узнаем из новостей, что умирают друзья,
И не чувствуем жизнь полноценной.
Не находим чеховского нигде ружья,
Но стреляет оно за сценой.

Умоляем Господа мир нам дать,
Чтобы был он во всём мире,
И стараемся выглядеть мы «на пять»,
А получается «на четыре».

А в снегу детишки привычно визжат,
И румянец горит на прозрачной коже.
Вот так и живешь много раз подряд,
Чтобы видеть одно и то же.

Новый год отмечаем до Рождества,
Не постимся почти: посты – в телеграмме.
И дрожат вместо стёкол мои слова
В угловатой оконной раме.

* * *

Такая жизнь, что ближнего не видишь,
И пальцы пробуют не пустоту,
А то, что нам небесный покровитель
Спускает с неба – слабость и тщету.

Не заходи ко мне – здесь запустенье,
Здесь чью-то память сдали напрокат.
Я спутаю тебя с вчерашней тенью
И запущу кастрюлей наугад.

А на столе – портреты символистов,
И фото девы с морем и песком.
Аллеи безымянных обелисков
Нам время оставляет на потом.

Такая жизнь, что стоптаны ботинки,
И не одни, стоят до полстены.
И целое не ищут половинки,
Что проданы уже за полцены.